

БОРИС ТЕТЕНБАУМ

ГЕНИЙ ЗЛА
ГИТЛЕР

Борис Тетенбаум Гений зла Гитлер

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6700347
Тетенбаум Борис. Гений зла Гитлер: Якуза; Москва; 2014
ISBN 978-5-906716-20-0

Аннотация

«Выбрал свой путь – иди по нему до конца», «Ради великой цели никакие жертвы не покажутся слишком большими», «Совесть – жидовская выдумка, что-то вроде обрезания», «Будущее принадлежит нам!» – так говорил Адольф Гитлер, величайший злодей и главная загадка XX века. И разгадать ее можно лишь отказавшись от пропагандистских мифов, до сих пор представляющих фюрера Третьего Рейха не просто исчадием ада, а бесноватым ничтожеством. Однако будь он бездарным крикуном – разве удалось бы ему в кратчайшие сроки возродить немецкую экономику и больше пяти лет воевать против Союзников, превосходивших Германию вчетверо? Будь он тупым ефрейтором – уверовали бы лучшие генералы Вермахта в его военный дар? Будь он визгливым параноиком – стали бы немцы сражаться за него до последней капли крови и умирать с именем фюрера на устах даже после его самоубийства?.. Честно отвечая на самые «неудобные» вопросы, **НОВАЯ КНИГА** от автора бестселлера «Великий Черчилль» доказывает, что Гитлер был

отнюдь не истеричным ничтожеством и трусливым параноиком, а настоящим ГЕНИЕМ ЗЛА, чья титаническая фигура отбрасывает густую тень на всю историю XX века.

«Прочтите эту книгу, и вы поймете, что такое зло во всем его неприукрашенном виде. Молодому поколению необходимо знать эту кровавую историю во всех подробностях – чтобы понимать, какую цену приходится платить за любые человеконенавистнические идеи...»

Герой Советского Союза, генерал-майор С. М. Крамаренко

Содержание

К читателям	5
Краткое авторское предисловие	7
Пролог	10
Часть I	14
Неудачник	14
Фронтовик	39
Барабанщик	57
Национал-социалист	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Тетенбаум Борис

Гений зла Гитлер

К читателям

В этой книге талантливо и ярко рассказывается о человеке, который посвятил свою жизнь достижению страшной цели. Речь идет о стремлении к мировому господству арийской расы, о планомерном и безжалостном уничтожении ради этого миллионов людей и целых народов, которые были объявлены неполноценными. О чудовищном способе достижения этой цели свидетельствуют сегодня сохранившиеся бараки и печи лагерей смерти, построенных нацистами по всей Европе. В этих печах сожжены миллионы людей, сожжены лишь потому, что они не относились к арийской расе или не разделяли фашистскую идеологию.

Там, в Европе, в тех печах горели заживо и мои соотечественники, советские военнопленные и мирные жители, беспомощные женщины, дети и старики. Но их убивали и здесь, на родной земле. Их расстреливали, вешали, закапывали живьем в братские могилы, заживо жгли в церквах... В моем родном селе Выбор Новоржевского района Ленинградской области (ныне это Псковская область) более двух десятков моих товарищей, мальчиков и девочек, были расстреляны за

помощь партизанам – их отцам и братьям, которые ушли в окружающие село леса, чтобы сражаться с захватчиками. И рука фашиста не дрогнула, когда он стрелял в детей. Так проводились в жизнь идеи этого человека и его железная воля. Такой страшной была его власть над немецким народом, который вот уже более семидесяти лет пытается смыть с себя коричневый позор.

Теперь о самом содержании книги.

В кратком предисловии автор излагает свою точку зрения на Вторую мировую войну и показывает роль в ее подготовке своего героя – гения зла XX века (как он его называет), и добавить тут нечего. Но это вещи, очевидные для ветеранов.

Зато молодому поколению, которое знакомится с жизнью человечества в XX веке, веке двух мировых войн, развязанных Германией, в которых столько жертв выпало на долю России, необходимо знать эту кровавую историю во всех подробностях – чтобы понимать, какую цену приходится платить за любые человеконенавистнические идеи.

Прочтите эту книгу, и вы поймете, что такое зло во всем его неприукрашенном виде. Вы поймете, какую цену приходится платить народам за захватнические войны – и агрессору и тем, кто защищает от агрессора свою родную землю.

Герой Советского Союза, генерал-майор С. М. Крамаренко

Краткое авторское предисловие

Вторая мировая война была величайшим событием XX века. Она унесла десятки миллионов жизней, смела одни государства и вознесла другие, превратила в руины Европу – короче говоря, буквально перевернула мир.

Ее последствия чувствуются и сейчас, почти 70 лет после того, как буря отбушевала.

Если брать книги, написанные мной для издательства ЭКСМО в жанре исторических биографий, то «Гитлер» – проект номер семь. Работать с ним оказалось труднее, чем даже с «Черчиллем» или с «Наполеоном».

Дело в том, что с предметом как бы знаком всякий – хотя бы на уровне «Семнадцати мгновений весны» – и этот всякий ищет в тексте то, что ему известно/интересно/знакомо. А поскольку он там этого не находит, то совершенно закономерно начинает возмущаться.

И тогда на автора градом сыпятся самые разные «предложения», и иногда – от очень умных людей. Иногда – от не очень умных. А случаются и вовсе экзотические вещи, вроде идеи пересчета яичек в мошонке Адольфа Гитлера – находят, как правило, не больше одного, сообщений о его гомосексуализме и так далее.

Однако на самом деле перед автором действительно стоит непростая задача: он должен исхитриться уложить всю евро-

пейскую историю первой половины XX века в один том объеме, допустим, в 100 тысяч слов.

Как это сделать?

Очевидных опасностей, которых следует избегать, имеется две:

1. 10000001-й пересказ общеизвестного.

2. Провал в бездонные глубины бесконечного количества деталей, связанных с войной, экономикой, политикой и прочим.

В общем, прежде чем браться за работу, надо как-то определить и ограничить поле будущей деятельности. Так вот, в этой книге сделана попытка изобразить *«портрет Гитлера на фоне его времени»*.

А фон времени – на взгляд автора – следует выискивать в литературе.

Поэтому тут нет практически ничего о фельдмаршале Паулюсе, но есть кое-что о Чапеке, Фейхтвангере, Марке Алданове, Томасе Манне – и даже, как это ни странно, об А. С. Пушкине. Ну, это отдельная история, но вот Томас Манн совершенно буквально живет в книге как своего рода «теневой персонаж».

Автор уверен, что на «Гитлера» посыпятся шишки со всех сторон.

Например, за недостаточную глубину/ширину/длину/высоту охвата. За беглый пробег *«мимо Сталинграда»*. За излишнее внимание к структуре *«Лже-Нерона»* Лиона

Фейхтвангера.

Тем не менее – в книге была сделана попытка посмотреть на вещи свежим взглядом и с неожиданной стороны.

Ну, а что получилось в итоге, пусть остается на суд читателя.

Пролог

I

Ровно в полдень 18 января 1871 года король Пруссии Вильгельм Первый вошел в Зеркальный Зал Версаля, сопровождаемый германскими государями и принцами, канцлером Пруссии, Отто фон Бисмарком, генералами и дипломатами, для участия в церемонии провозглашения Германской Империи.

После короткой молитвы граф Бисмарк, совсем недавно произведенный в генерал-лейтенанты, одетый в белый мундир кирасиров, с оранжевой лентой ордена Черного орла, вышел вперед и без признаков какой-либо торжественности прочел следующий текст:

«Мы, Вильгельм, по воле Божьей король Пруссии! На единодушное обращение к нам принцев и свободных городов Германии с просьбой восстановить Империю и императорское достоинство, остававшиеся вакантными более шестидесяти лет, считаем своим долгом ответить... принятием императорского венца. В дальнейшем мы и наши преемники будем носить императорский титул во имя благополучия Германского Рейха. Пусть Бог нам поможет быть всегда твор-

цами величия Германии не благодаря военным завоеваниям, но благодаря мирным делам, национальному процветанию, свободе и цивилизации!»

От имени немецких монархов великий герцог Бадена – зять короля Вильгельма – торжественно поднял правую руку и крикнул:

«Да здравствует император Вильгельм!»

Бисмарк писал впоследствии, что никогда бы не смог и вообразить, что Империя – его Рейх – будет провозглашена в Версале. Естественно, возникает вопрос – а зачем же он все это устроил, устроил именно в Версале и в неподходящий, казалось бы, момент – 18 января 1871 года Париж еще держался и французские войска, сформированные правительством национальной обороны, еще вовсе не были разбиты?

Франко-прусская война 1870–1871 годов, устроенная им, все еще продолжалась – разве не стоило подождать с торжественной церемонией?

Но канцлер нового Рейха ничего не делал просто так.

Соппротивление Вильгельма I, не желавшего империи, – по его мнению, титул императора самим фактом своего существования уменьшал достоинство престола королевства Пруссия – Бисмарку удалось сломить только в начале января 1871-го, и он решил ковать железо, пока горячо.

Версаль был избран потому, что Ставка прусской армии здесь и размещалась, и вместе с ней – все государи Германии со всей своей свитой. Провозгласить Рейх должны бы-

ли именно они, государи Германии. Непременным условием Вильгельма I было *«провозглашение Империи сверху»*.

Да, Париж был бы лучше, но он был еще не взят – а в Берлин государи, храня свое достоинство, вряд ли поехали бы.

Сам текст декларации провозглашения Империи тоже был написан не просто так – фраза о том, что *«Империя и императорское достоинство, остававшиеся вакантными более шестидесяти лет, должны быть восстановлены»*, была совершенно сознательным искажением истины.

Бисмарк имел в виду вовсе не воссоздание шаткой монархии Габсбургов, Рейха – Священной Римской империи Германской нации, ликвидированной Наполеоном. На пути к Парижу многомудрый канцлер Пруссии в 1866 году успел устроить еще и австро-прусскую войну.

Австрия была побеждена и *«выкинута из Германии»*.

Теперь центральная власть была сосредоточена в Берлине. Главой Империи был император, он же – король Пруссии. А входящие в Империю политические единицы: великие герцогства, вольные города и даже целых четыре королевства – Пруссия, Саксония, Вюртемберг и Бавария, в большой степени сохраняли свою автономию. В мирное время они иногда даже сохраняли свои собственные, отдельные армии – объединение вооруженных сил происходило только в случае войны.

Наконец, был создан пост главы исполнительной власти – рейхсканцлера, ответственного только перед императором.

Кроме рейхсканцлера, в Германской империи больше не существовало никаких министров. Их функции осуществляли государственные секретари, подчиненные ему и председательствовавшие в имперских ведомствах. Рейхсканцлером, разумеется, был назначен величайший политический деятель в истории Германии – Отто фон Бисмарк.

Ну, а Германия стала единым Рейхом.

Часть I

Неудачник

I

Нет, конечно же нет – Алоис Гитлер уж никак не считал себя неудачником. Напротив – в сентябре 1900 года он ощущал себя на вершине успеха. Как-никак Алоис, бывший чиновник таможни, состоявший на государственной службе Австрийской империи, уже пять лет как вышел на покой и считал себя обеспеченным человеком, а сейчас определял своего сына в первый класс так называемого реального училища в городе Линце.

Самому-то ему учиться в таком достойном учебном заведении не пришлось. Он, незаконный сын незамужней крестьянки Марии Анны Шикльгрубер, закончил только начальную школу. Матушка впоследствии вышла замуж за подмастерье мельника, Иоганна Гидлера, но сам Алоис так и остался с фамилией матери – Шикльгрубер.

Иоганн Гидлер сыном его не признал, да и матери после замужества стало как-то не до него.

В итоге Алоиса отправили на ферму к брату его отчима, Иоганну Непомуку. Его фамилия писалась не Гидлер, а чуть по-другому – Гюттлер. И он, надо сказать, мальчика пригрел – тот и четыре класса школы закончил, и стал обучаться сапожному ремеслу, а потом даже и работал в Вене, подмастерьем сапожника.

Мать Алоиса умерла через пять лет после замужества, прошло некоторое время – скончался и отчим, и остался он на попечении своего «дядюшки», Иоганна Непомука, теперь уже насовсем.

Жизнь Алоиса Шикльгрубера переменилась в 1855 году, когда ему стукнуло 18 – он поступил на службу в таможню, в так называемую «финансовую стражу». И он своего шанса не упустил – служил в таможне преданно и исправно, и уже не с ружьем, а по бумажной части, и был начальством замечен, и непрестанно повышался, вплоть до предельного роста, какой только был возможен для человека его происхождения и воспитания.

Да и с социальным положением дела были поправлены – Алоис Шикльгрубер в возрасте 39 лет принял фамилию «дядюшки». Инициатором этого выступил сам Иоганн Непомук Гюттлер – он как раз овдовел и сделал то, на что при жизни жены не решался, – узаконил Алоиса Шикльгрубера как своего сына. При оформлении документов в книге регистрации приходский священник сделал ошибку и записал так: «Алоис Гитлер».

И жизнь Алоиса потекла себе дальше, и после выхода в отставку он получил наследство от своего приемного отца (многие считали, что не приемного, а фактического) и в свои 63 все еще выглядел молодцом.

В отношении же сына, Адольфа, Алоис Гитлер питал большие надежды. Он давал ему хороший старт – успешное завершение курса давало мальчику даже право на поступление в какую-нибудь высшую техническую школу.

Не в университет, конечно, – для этого следовало окончить гимназию.

Но к чему университет смышленому парнишке, если он пойдет по стопам отца и станет государственным чиновником, почтенным человеком с твердым доходом, надежной пенсией и с прибавкой за выслугу лет?

Ну, что сказать – надежд своего отца отпрыск не оправдал.

II

Очень быстро выяснилось, что учиться он не хочет. В чем тут было дело, сказать трудно. Может быть, на него повлияло то, что раньше, в начальной школе, он учился без всяких усилий? А может быть, ему было трудно войти в более формальную обстановку, чем та, к которой он привык?

Трудно сказать, но результаты, что называется, были налицо. Уроки прогуливались, неуды следовали за неудами, и приличные отметки имелись только по тем предметам, ко-

которые Адольфа интересовали: история, география и рисование, которыми он безумно увлекался.

Отец, может быть, и вколотил бы в него должное уважение к школьной дисциплине – он был человек упрямый и непослушания бы не потерпел, но Алоис Гитлер умер в январе 1903 года, и мать справиться с Адольфом не смогла.

Понятное дело, в школе он остался на второй год.

К 15 годам в своей реальной школе он заканчивал третий класс, но зато сочинял пьесу. А еще – стихи и новеллы и даже либретто для оперы Вагнера. В феврале 1905 года Адольф Гитлер получил свидетельство об окончании четвертого класса реальной школы – в рамках российской системы образования это примерно соответствовало бы 8-му классу средней школы.

Табель его выглядел так:

1. Рисование – отлично.
2. Физкультура – отлично.
3. Немецкий, французский, математика, стенография – твердое и незыблемое «неудовлетворительно».
4. Все остальные предметы, даже те, к которым он вроде бы проявлял интерес, – ну, шаткое «удовлетворительно», что-то вроде тройки.

Французский, правда, он пересдал со второй попытки, но с него взяли обещание, что он перейдет в другую школу. Так что четвертый класс ему пришлось начинать заново и в дру-

гом месте.

На вопрос, как же он мыслит себе будущее, отвечал, что станет великим художником.

Наверное, не стоит принимать это уж слишком всерьез – каждый 16-летний подросток непременно великий художник, или великий поэт, или великий генерал – особенно если он плохо учится. Однако, как бы то ни было, после сдачи экзаменов за 4-й класс реальной школы учебу пришлось прервать – у юного Адольфа обнаружили что-то с легкими. Медицина рекомендовала свежий воздух – так что мать забрала Адольфа из школы и отвезла в деревню, к родственникам. Тем временем захворала и она – и куда более серьезно. Доктор Блох, практиковавший в Линце, обнаружил у нее рак молочной железы. Он считал положение своей пациентки безнадежным, не скрыл своего мнения от ее детей, но предложил сделать операцию. Излечения не обещал, но надеялся продлить ей жизнь.

Операцию в середине января действительно сделали, и это действительно на какое-то время помогло. Во всяком случае, в сентябре 1907 года Адольф Гитлер смог оставить мать и съездить в Вену. Он пытался поступить в художественную школу и даже прошел первый тур экзаменов – срезался он на втором. Это стало для него большим ударом – он был совершенно уверен в своем таланте.

Адольф Гитлер попытался протестовать, добился встречи

с ректором и получил от него совет – заняться архитектурой. Был ли ректор искренним или просто хотел вежливо отделаться от надоедливого просителя, сейчас сказать невозможно.

Во всяком случае, в ноябре 1907 года Гитлер вернулся в Линц. Его мать умерла в конце декабря – операция, рекомендованная доктором Блохом, действительно продлила ей жизнь почти на год.

Их отец, государственный чиновник, помог и после смерти – его сиротам-наследникам полагалась небольшая пенсия, которая выплачивалась вплоть до окончания ими учебы или до достижения совершеннолетия. Общая сумма составляла 50 крон в месяц. Поскольку сестра Паула оставалась с родными, половина пенсии пошла на ее содержание. Адольф Гитлер в свои неполные 19 лет мог рассчитывать на 25 крон. Ну, и кое-что ему собрали родственники.

С этим он и отправился в Вену.

III

Жизнь Адольфа Гитлера исследовалась только что не под лупой, и мельчайшие ее детали перетирались на тончайших терках – и тем не менее и сейчас в ней есть немало темного и непонятного, что кочует из одной его биографии в другую. Когда-то великий насмешник Стерн написал блистательную пародию на все возможные биографии, «Жизнь и мнения

Тристрама Шенди». Так вот он, в противоположность прочим биографам, начал жизнеописание своего героя не с момента его рождения, как они, а с момента его зачатия.

Жизнь, как известно, в состоянии произвести такое, что не придет в голову никакому искусству, и биографы Гитлера начинают свои исследования даже не с момента зачатия Адольфа Гитлера, а с момента зачатия его отца.

Вот что можно найти, пошарив по сетевым энциклопедиям:

«Существуют... версии насчет отца Алоиса, например, высказывалось предположение о том, что биологическим отцом Алоиса мог являться 19-летний сын еврея-банкира Леопольда Франкенберга, у которого якобы Мария Анна [Шикльгрубер] некоторое время работала служанкой, что впоследствии тщательно скрывалось нацистами как свидетельство возможного еврейского происхождения фюрера. Другие историки, в частности, Кершоу... отвергают эту версию».

Идея еврейского дедушки Адольфа Гитлера получила хождение в 50-е годы с легкой руки Ганса Франка. Он, вообще-то, мог многое знать – Франк был адвокатом нацистской партии до захвата ею власти и представлял в судах и интересы партии, и лично Адольфа Гитлера на добрых полутораста процессах. Более того – в дальнейшем был назначен Гитлером на пост рейхскомиссара юстиции. Так вот он, сидя в 1945 году в тюрьме в ожидании суда, утверждал, что

он по просьбе Гитлера в 1930 году ездил в Грац и установил, что Мария Анна Шикльгрубер, мать Алоиса Гитлера, работала кухаркой в еврейской семье Франкенбергов, уехала от них беременной и потом в течение 14 лет получала от своих бывших нанимателей деньги на поддержку своего ребенка. И что Гитлер поблагодарил Ганса Франка за его расследование и уверил его в том, что евреев Франкенбергов тогда удалось удачно обмануть, и они зря платили за воспитание Алоиса, который был сыном истинного арийца, и что он, Адольф Гитлер, знает все это от своей бабушки.

Ну, дальше есть смысл заглянуть в огромную по объему английскую двухтомную биографию Адольфа Гитлера, написанную Иэном Кершоу. Мы встретим версию Ганса Франка уже на 8-й странице этой книги и выясним следующее:

1. В Граце в 1830-х не было еврейской семьи Франкенбергов.

2. Более того, в городе вообще не было ни одной еврейской семьи, и не только в городе, но и в провинции Штирия, в которую он входил, – селиться там евреям было в ту пору запрещено.

3. В Граце имелась семья с похожей фамилией – Франкенрейтеры. Семейство это держало мясную лавку. У них действительно был сын, но к моменту зачатия Алоиса Шикльгрубера ему было 10 лет, и в отцы Алоису, он, пожалуй, не годился.

4. Бабушка Адольфа Гитлера никак не могла поделиться

с ним заветными сведениями о рождении его отца – по той уважительной причине, что умерла лет за сорок до рождения Адольфа Гитлера.

Ганс Франк, что ни говори, был высокопрофессиональным юристом. Уж что-что, но пункт номер четыре никак не мог быть им пропущен и всю недостоверность своей версии он, по-видимому, понимал. С другой стороны, в 1945 году он сидел в тюрьме в ожидании тяжкого приговора – и его действительно осудили и в октябре 1946-го повесили.

Так что можно только гадать о причинах высказывания им столь абсурдной версии. Может быть, он хотел *«испортить репутацию»* Адольфа Гитлера? Может быть, тюрьма и страх сделали самого Ганса Франка не совсем вменяемым? Сейчас, конечно, решить это невозможно.

Поэтому, стараясь придерживаться фактов, а не вымыслов, мы двинемся дальше.

IV

Гитлер вспоминал позднее, что тем, кем он есть, он стал в Вене. Говорилось это позднее, в годы триумфа, и не совсем ясно, что имелось в виду. Явно что-то, что казалось ему в высшей степени положительным.

Что же это было?

Обретение силы духа? Способность выстоять перед лицом неудач?

Потому что действительно – неудачи были огромны.

Адольф Гитлер снова, уже во второй раз, провалил экзамены в художественную школу. Сам факт провала он должен был скрывать от своего тогдашнего друга Августа Кубичека. Они были знакомы по Линцу, сблизились на почве общей огромной, всепоглощающей любви к музыке Вагнера и в Вену прибыли вместе – Кубичек мечтал о поступлении в консерваторию.

В целях экономии они поселились вместе и какое-то время – с конца февраля и до начала июня 1908 года – снимали одну комнату на двоих. Но дальше их пути разошлись – Кубичек, как и мечтал, был принят в консерваторию. Теперь он целыми днями был занят – либо на лекциях, либо дома, упражняясь в игре, а его друг Адольф был, увы, совершенно свободен. И не хотел в этом признаваться, потому что сказал Кубичеку, что в художественную школу он все-таки принят.

И что он – тоже студент.

В результате Гитлеру приходилось *«имитировать занятость»* – он уходил из дома, якобы на занятия, и целыми днями шатался по Вене, не зная, куда себя деть. Вена, надо сказать, – прелестный город. Конечно, при условии, что у вас есть там интересы, занятия, знакомые и так далее. Есть, наконец, деньги на жизнь.

У одинокого 19-летнего Адольфа Гитлера занятий не было, интересы сосредотачивались на искусстве, в котором его дарования не получали признания, и денег не хватало просто

отчаянно. По-видимому, он жил тогда в состоянии острой и все возрастающей ненависти ко всему окружающему, и больше всего его раздражала венская пестрота.

Столица Австро-Венгрии, «лоскутной империи», была набита безумной смесью из немцев, словаков, чехов, венгров, румын, поляков, украинцев из Галиции, итальянцев – ну и, разумеется, евреев. Город стремительно рос – из 1 674 957 жителей Вены, подсчитанных по переписи 1900 года, уроженцев столицы было меньше одной трети, все остальные были «понаехавшими».

Проблемы, возникающие при этом, современный российский читатель вполне может себе представить, – и они, конечно, эксплуатировались политически. Со времен великого канцлера Меттерниха в Австрии проводилась совершенно сознательная политика отрицания национализмов – выражение *«все мы одинаковые подданные нашего доброго императора»* служило официальной формулой австрийской государственности. Но время шло, и действительность этой формуле соответствовала все меньше и меньше.

Поражение в австро-прусской войне 1866 года выбило империю Габсбургов из процесса объединения германских земель. Объединение состоялось, но Отто фон Бисмарк провел его вокруг Берлина – Вена оказалась в стороне. Это так уронило престиж династии, что Австрийская империя кризиса не пережила и превратилась в нечто странное – *«Королевства и земли, представленные в Рейхсрате, а также зем-*

ли венгерской короны Святого Стефана», что и было решено в 1867-м и закреплено 14 ноября 1868 года специальным актом.

На практике это означало признание равноправного положения Австрии и Венгрии, соединенных в так называемой Двуетиной монархии. Австрийский император в Вене становился всего лишь венгерским королем в Будапеште, его титул менялся на «Император и Король», или по-немецки «Кайзер унд кениг». Это относилось и ко всем общегосударственным учреждениям, они становились теперь K. und k. или k. u. k. (нем. kaiserlich und königlich) – сокращение, обозначающее «императорский и королевский» [1]. И получалось, что немцы теряли свое доминирующее положение в Австрии.

Поглядев на пример венгров, прочие меньшинства захотели повторить их успех – особенно чехи. В конце концов, если существует Двуетиная монархия, почему бы не быть Триветиной, и чем, собственно, Прага хуже Будапешта? Примерно так же, как в свое время в СССР начался «парад суверенитетов», в Австро-Венгрии начался «парад национализмов».

При таком раскладе австрийские немцы сами становились меньшинством.

V

Впоследствии много говорилось по поводу того, где именно Гитлер набрался идей, которые составили его мировоззрение. В этой связи поминался и Георг Риттер фон Шенерер (Georg Ritter von Schönerer), один из столпов австро-немецкого национализма. Его глубокий антисемитизм произвел впечатление на Гитлера, но предлагаемую *«борьбу с католической церковью»* он счел чрезмерной.

Кое-что, несомненно, внес Карл Люгер, знаменитый обер-бургомистр Вены. С фон Шенерером его сближало разве что отвращение к евреям, во всем остальном они не сходились. Скажем, Люгер был католиком и *«воевать с папством»*, как предлагалось австро-немецкими националистами, совершенно не собирался. Вместо этого Карл Люгер неутомимо строил и украшал свой город, но Гитлера поразило не этим, а тем, как владел толпой.

Речи Люгера собирали массы народу, и он говорил массам то, что они хотели слышать.

Тем не менее вряд ли у Адольфа Гитлера в 1908 году имела такая вещь, как целостное мировоззрение. Он ничего не делал, кроме разве что непрерывного посещения оперы. Билеты на галерку стоили 2 кроны – огромный расход для бедняка, но Гитлера это не останавливало. Он жил на хлебе и чем-то вроде каши, сваренной из овсяной крупы, но каж-

дый лишний грош шел на то, чтобы в очередной раз послушать обожаемого им Вагнера, и самое большое возмущение у него вызывали не евреи, а младшие офицеры австрийской армии, имевшие право на покупку билетов на галерке всего за 10 геллеров, 1/20 той цены, которую должен был платить человек гражданский.

И так бы, скорее всего, все и шло, если бы в один прекрасный день не случилось непоправимое – у Адольфа Гитлера иссякли даже те малые деньги, что наскребла ему родня. Теперь единственным средством к существованию была половина сиротской пенсии – 25 крон в месяц, но этого, безусловно, не хватило бы на съем жилья.

Началось скитание по ночлежкам и бесплатным столовым для бродяг.

Пенсия, по-видимому, получалась на какой-то адрес его знакомых в Вене, но жить ему приходилось буквально на улице. К Рождеству 1909 года он сумел прибиться к убежищу для бездомных, где встретил некоего Рейнгольда Ганиша, такого же бездомного бродягу, как и сам Гитлер. Это оказалось удачей. Сам Ганиш делать ничего не умел, но у него была коммерческая жилка.

VI

Поскольку Гитлер представился своему новому знакомому как «художник», то у Ганиша возникла идея: пусть Гитлер

изготовит какие-нибудь картины с видами Вены, Ганиш будет их продавать, а выручку партнеры будут делить пополам. Схема сработала. Примерная цена одной картины составляла 5 крон, изготавливалась она обычно за день, продавалась, как правило, без проблем, и дела Адольфа Гитлера пошли в гору.

Разумеется, он не стал преуспевающим человеком, но все-таки смог перебраться из безнадежной дыры, в которой ютился, в более удобное место.

Если использовать терминологию, понятную современному русскоязычному читателю, то новое местожительство Адольфа Гитлера следовало бы назвать «койка в общежитии».

В Вене в ту пору существовала практика сдачи койки на тот момент, когда хозяину она не нужна. Например, тогда, когда хозяин занят днем на работе, у него на койке отсыпается тот, кто работает в ночную смену. Таких «съемщиков коек» в Вене числилось до 80 тысяч человек, и полиция считала их источником всевозможных социальных проблем. Поэтому-то муниципальное управление города в 1905 году и начало строить специальные дома для «коечников» – такие учреждения считались образцовыми. Официально этот тип жилья именовался *Bettgeher*, в очень вольном переводе с немецкого – «койки для скитающихся».

Адольф Гитлер поселился в заведении, предназначенном для мужчин, не имеющих семьи, постоянного места жилья и

постоянной работы. По сравнению с обычной ночлежкой это койко-место было большим шагом вверх: постояльцы имели «личные комнаты».

Не будем преувеличивать: комнаты эти были размером 140 сантиметров на 217 сантиметров, и понятно, что на площади чуть больше 3 квадратных метров особо не разгуляешься. Более того – постоялец мог пользоваться своим койко-местом не круглосуточно, а только с 8:00 вечера и до 9:00 утра – потом они запирались.

Зато в «общаге» имелась читальня, библиотека, место для хранения личных вещей, было где принять душ, постирать одежду, и имелись даже платные услуги сапожника и портного. Стоила вся эта немыслимая роскошь всего-навсего 2 с половиной кроны в неделю, что Адольф Гитлер с помощью своего партнера зарабатывал в один день.

И доходы его еще и возросли после того, как Гитлер поссорился с Ганишем, уличив его в нечестности. Он даже обратился в суд по этому вопросу и обеспечил тому недельное заключение – а сам тем временем обратился к другим продавцам и посредникам.

Гитлер прожил в венском общежитии по адресу Meldemannstraße, 27 целых три года, с 9 февраля 1910 по 24 мая 1913 года.

Он писал картины, занимался акварелями, изображал цветы и здания, делал натюрморты – все это так или иначе продавалось, и настолько хорошо, что Адольф Гитлер даже

отказался от полагавшейся ему половины сиротской пенсии в пользу младшей сестры. Но искусство все-таки не поглощало всего его времени – Ганиш в свое время даже обвинял своего партнера в *«безответственной лени»*. Странное обвинение, если учесть, что оно направлено одним бездомным бродягой против другого такого же.

Тем не менее какая-то доля истины в этом была. В относительно спокойные годы своего пребывания в общежитии на улице Meldemannstraße Адольф Гитлер большую часть своего времени посвящал все-таки не живописи.

Он интенсивно учился.

VII

Начало расовым теориям, получившим большое хождение в Европе, по-видимому, пошло от Чарльза Дарвина. Разумеется, не от него самого – *«Происхождение видов»* касается только того, чего касается – *«эволюции»* и *«выживания наиболее приспособленных»*, но называлась-то книга *«On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life»* – *«Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь»*. Так что прошло совсем немного времени, как *«благоприятные расы»* были применены и к делам человеческим.

Первым сделал это двоюродный брат Дарвина Фрэнсис

Галтон. Он был серьезным ученым – географом, антропологом и психологом и даже основал новую науку – психометрику [2].

Так вот, он занялся и так называемой «евгеникой» – учением о селекции применительно к человеку. И выходило у него, что в отношении к людям следует применять те же принципы, которых придерживается всякий разумный фермер: нужно всячески помогать перспективным особям, а больных и убогих следует отсеивать. Прямо сказать, это несколько противоречило принятой христианской практике милосердия и благотворительности – но в конце концов, никто предложенных Фрэнсисом Галтоном принципов на практике применять не собирался.

Полномочий на отсеивание не имелось даже у самых авторитарных правительств Европы, а правительства Азии в этом смысле полностью полагались на силы природы. Когда знатный российский путешественник барон Маннергейм спросил у губернатора китайской провинции, которую он посетил, каким образом тот борется с эпидемией, губернатор сообщил своему гостю, что «в Китае людей много-много», и этим и ограничился [3].

Как мы видим, на том этапе расовая теория отсева особого резонанса не получила, но в 1899 году в Мюнхене вышла в свет книга, оказавшая куда более серьезное влияние на умы европейцев. Называлась она «Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts» – «Основы XIX века», впоследствии Геббельс

называл ее автора *«отцом нашего духа»*.

Автором книги, написанной по-немецки, был человек с именем совершенно образцового англичанина. Его звали Хьюстон Стюарт Чемберлен, и он был действительно англичанином, даже сыном британского адмирала. Но он учился в Дрездене, потом в Женеве, в германскую культуру просто влюбился, был страстным поклонником Вагнера, переписывался с его вдовой Козимой, а потом даже стал ее зятем — женился на Еве Вагнер, дочери великого композитора.

Свою литературную деятельность Чемберлен начал с анализа вагнеровских опер и только потом перешел к более широким вопросам.

Так вот, в наделавшей большого шума книге «Основы XIX века» Чемберлен утверждал, что европейская культура в том виде, в котором она явилась миру в XIX столетии, есть результат слияния четырех положительных компонентов и одного отрицательного.

Положительные тщательно перечислялись и анализировались:

1. Древняя Греция, которая создала основы искусства, литературы и философии.
2. Древний Рим, оставивший после себя идею упорядоченной юридической системы и формы государственного управления.
3. Христианство в той форме, которую создала Реформация.

4. Германский, истинно тевтонский, дух созидания.

Что до отрицательного компонента, то он сводился к «*отталкивающе-разрушительному влиянию евреев и иудаизма в целом*» – и отравлял все остальное.

Идея эта была чуть ли не буквальным парафразом статей Вагнера.

VIII

Адольф Гитлер был впечатлительным человеком. Как мы знаем, он тратил последние гроши на то, чтобы послушать в Опере вагнеровские постановки. Так что немудрено, что он не пропустил книги Чемберлена, и она, по-видимому, произвела на него большое впечатление.

Впоследствии он неоднократно хвалил ее автора. А поскольку мы «*знаем будущее*», то соблазнительно предположить, что вот тут-то, в расовой теории Чемберлена, и зарыт корень зла.

Но не будем преувеличивать воздействие книги на германское общество. Она была встречена с интересом уже в силу того, что оказалась связана с Вагнером – он был, так сказать, «*властитель дум*».

Его значение в жизни Германии, наверное, соответствовало значению Толстого в жизни России. Но восхищение художественным гением совсем не обязательно влечет за собой

следование его этическим порывам.

В конце концов, увлечение Толстым ведь не вызвало же в России массового желания опроститься и уподобиться Платону Каратаеву?

Нечто подобное произошло и в Германии – книгой восхитились, но вытекающих из ее чтения выводов не сделали. Чемберлена, например, похвалил сам кайзер Вильгельм II, который пожелал с ним увидеться, и даже поделился мыслью, что Чемберлен создал *«нечто значительное, что останется навсегда»*. Кайзер часто говорил подобные вещи.

На одной мысли он долго не останавливался и что-нибудь в том же духе – насчет значительного, что останется навсегда, – мог сказать и Вальтеру Ратенау, владельцу огромного электротехнического концерна, и Максу Варбургу, известному гамбургскому банкиру.

Тот факт, что они были евреями, ему не мешал.

Если уж на то пошло, то куда большую тревогу ему внушали *«претензии низших классов»* на равенство с людьми более достойными. Социальная дистанция между германским императором и нищим венским художником-самоучкой была невообразимой – но надо сказать, в отношении неприязни к *«...низшим классам»* они были довольно схожи. Гитлер, вспоминая свои венские времена, писал впоследствии, что не знает, что в окружающих его ужасало больше – их нищета и безнравственность или их интеллектуальная убогость? Известно, что в своей «общаге» он держался холодно и от-

чужденно и ни с кем не сближался.

Этот гадкий утенок совершенно явно ощущал себя лебедем.

IX

Отношения художника-лебедя с не признающими его «утками» — сюжет одновременно и очень старый, и вечно возобновляющийся. Жил-был в Германии некий гимназист, который из гимназии вылетел, соответственно, потеряв право на поступление в университет. Как говорил он сам:

«Не то чтобы я провалился на выпускных испытаниях — утверждать это было бы прямым бахвальством. Я вообще недотянул до последнего класса». И продолжает дальше в том же духе, описывая, как он не усидел и в страховой конторе, где вместо работы *«исподтишка сочинял в стихах и в прозе любовную повестушку, которую и пристроил в журнал сугубо бунтарского направления»*.

А потом не унялся, а слушал пеструю мешанину лекций по истории, экономике и искусствоведению, а потом бросил все и отправился в Рим, где пробездельничал целый год, а потом, падая все ниже и ниже, стал соредактором богемного журнальчика...

Все это высказано самим бывшим гимназистом как бы в письме к своим разочаровавшимся в нем учителям, а дальше следует обращенный к ним вопрос:

«А нынче? А сегодня? С остекленевшим взором, в шерстяном шарфе вокруг шеи, я сижу в обществе столь же ничемных малых в анархистском кабаке? Или валяюсь в канаве, и как и следовало бы ожидать?»

Понятно, что вопрос чисто риторический – ибо на практике дело обстоит совершенно не так. Наш герой за завтраком уписывает хрустящее печенье, носит лакированную обувь, живет в большой квартире в избранной части города, и в подчинении у него *«три дебелие служанки и одна шотландская овчарка»*.

Наконец, самое главное – бывший неудачливый гимназист, оказывается, женат, у него двое прекрасных детей, его тесть – профессор Королевского университета, и вообще, сообщает он своим бывшим учителям:

«У меня удивительно красивая молодая жена, принцесса, а не так себе женищина».

Право же, это веселое очевидное дурачество – определение собственной жены как принцессы, а *«не так себе женищины»*, – пишет очень счастливый человек, чья «лебединая сущность» уже понятна всему свету, а не ему одному.

Написано это Томасом Манном в 1907 году [4].

Адольфу Гитлеру тогда было всего 18 лет – а Томасу Манну уже 32. И позади у него уже есть написанный им роман «Будденброки», и признание, и успех. То есть разница с ничем и непризнанным живописцем вроде бы очевидна? Но тем не менее видно и много общего: оба были недоучками,

оба рано потеряли отцов, оба отвергли респектабельные занятия и обратились к искусству, оба обожали Вагнера, и так далее. Конечно, в слой богемы они попали с разных концов социального спектра – отец Манна был не скромным чиновником таможни, а богатым коммерсантом, столпом общества в своем родном городе Любеке.

Да, так и есть.

Сходство присутствует, и оно глубже, чем просто отношение к искусству как смыслу жизни. Томас Манн не любит евреев – примерно так же, как их не любил Рихард Вагнер, с эстетической точки зрения, они оскорбляли его взор [5].

Истинно германская эстетика – вообще штука очень тонкая.

На эту тему много писали в Вене журналы, которые любил читать Адольф Гитлер.

Примечания

1. Много лет спустя иронически настроенный бывший австрийский офицер Роберт Музиль в своем романе «Человек без свойств» окрестит эту конструкцию «К. и. к.» «Каканием».

2. Психометрия (психометрика) – дисциплина, изучающая теорию и методику психологических измерений, включая измерение знаний, способностей, взглядов и качеств личности.

3. В 1906 году Маннергейм по заданию Генштаба от-

правился через Центральную Азию в Китай. Поездка была замаскирована под этнографическую экспедицию. Великое княжество Финляндское из всех владений Империи пользовалось наибольшей автономией – вплоть до наличия собственных денег, почты и паспортов, и Маннергейм ехал с финским документом, без упоминания о службе в российской кавалерии. С двумя казаками барон проделал верхом путь в 3000 километров и собрал множество интересных Генштабу сведений – например, закартографировал район Кашгар – Турфан, провел оценку состояния войск, дорог и горного дела Китая и даже составил описание города Ланчжоу как возможной российской военной базы.

4. «В Зеркале». Это эссе помещено в 9-м томе собрания сочинений Томаса Манна на русском языке, изданном в 1959 г.

5. Об «эстетическом антисемитизме» Томаса Манна см. статьи Евгения Берковича «Томас Манн: меж двух полюсов», журнал «Студия», № 12, 2008; «Томас Манн в свете нашего опыта», журнал «Иностранная литература», № 9, 2011.

Фронтовик

I

18 января 1914 года Адольфу Гитлеру, проживающему по адресу Мюнхен, Schleissheimer Straße 34, вручили повестку с требованием – в течение 48 часов явиться в полицейское управление в г. Линце, Австрия.

Дело было серьезным – он обвинялся в уклонении от призыва. Собственно, именно так и было, он действительно уклонялся от призыва – просто Гитлера не сразу нашли. Поскольку все сроки уж давно вышли, а он так и не явился на медкомиссию, полиция Линца начала наводить справки.

Довольно быстро выяснилось, что разыскиваемый ими молодой человек поселился в Вене, располагал «койко-местом» в тамошнем образцовом заведении для *«бедных мужчин, не имеющих семьи»*, а потом куда-то уехал.

Государственный механизм, в котором служили люди, уверенные в хорошей пенсии, такой, например, какую получил Алоис Гитлер, был надежен. Хотя ехидный Р. Музиль и честил родную Австро-Венгрию «Каканией», ее бюрократия все-таки работала неплохо, и Адольф Гитлер, беспутный потомок честного государственного служащего, был найден в Мюнхене.

Повестка его очень напугала.

Уклонение от призыва – серьезное дело. Крупный штраф был, можно сказать, обеспечен, а в перспективе грозила и тюрьма, потому что для призывника пересечение границы без получения разрешения военного ведомства было делом подсудным.

Каким же образом Адольф Гитлер оказался в Мюнхене? Ну, тут-то все ясно – он достиг совершеннолетия, следовательно, должен был идти в армию – отсрочка предоставлялась только студентам. А служить категорически не хотелось – Гитлер рассматривал армию Австро-Венгрии как *«нечистый Вавилон»*, где перемешаны все языки и народы.

К тому же подросла и его доля наследства – по австрийским законам, не достигшие совершеннолетия сироты могли пользоваться только процентами с унаследованного капитала. Ну, капитал-то был очень невелик, всего две тысячи крон, половина которых шла младшей сестре Адольфа Пауле.

Тем не менее в стесненных обстоятельствах и тысяча крон – подарок судьбы.

Во всяком случае, в Мюнхене Адольф Гитлер смог снять себе комнату, которую ему сдало семейство портного Йозефа Поппа, и зажил себе жизнью вольного художника. Он делал всевозможные картины – как правило, копии открыток, на которых были изображены разные мюнхенские достопримечательности, продавал их и тем зарабатывал при-

мерно сотню марок в месяц.

Много это или мало – зависит от точки зрения.

Именно сто марок в месяц зарабатывал поначалу Томас Манн в качестве штатного рецензента отдела прозы в мюнхенском журнале «Симплициссимус» – и считал это низшим порогом честной бедности.

Конечно, тут видна разница в точке отсчета.

Томас Манн был отпрыском хоть и разорившегося, но все-таки патрицианского бюргерского семейства, и ему не довелось хлебнуть жизни в ночлежках.

А Адольфу Гитлеру его сто марок казались началом истинного благополучия.

Только до тех пор, пока за него по запросу из Линца не взялась мюнхенская полиция...

Надо было немедленно что-то делать – и Гитлер срочно послал телеграмму в магистратуру Линца – он просил об отсрочке, а тем временем обратился в австрийский консулат в Мюнхене, ссылаясь на то, что 48 часов, которые ему дали на сборы, недостаточны, что у него нет денег на покупку билетов, что повестку ему вручили с задержкой, а задержка произошла из-за недогляда мюнхенской полиции, и что вообще-то он – студент. Изучает архитектуру.

В Линце просьбу об отсрочке отвергли, но вот в австрийском консулате к Гитлеру отнеслись с некоторой симпатией. В конце концов, для всякого консула помощь соотечественнику за границей – его прямое дело.

В общем, пообещали похлопотать.

II

Есть документ [1] – собственноручно написанное Гитлером письмо на трех с половиной страницах – в котором он объясняет причины своей неявки на призывную медкомиссию. Адольф Гитлер признает свою «ошибку» – он не зарегистрировался осенью 1909 года, как был обязан, но заявляет, что ошибка была исправлена в феврале 1910-го и что после этого он ничего от властей не слышал.

Эта «объяснительная записка» возымела действие. Сотрудники консулата договорились с властями Линца о снятии с Гитлера штрафа, помогли с деньгами и отправили в Австрию – и не в Линц, а поближе, в Зальцбург, куда он и прибыл 5 февраля 1914 года. Комиссия нашла Адольфа Гитлера *«слишком слабым»* и даровала ему отпущение – и от уклонения от призыва, и от самого призыва тоже [2].

Нечего и говорить, что он был безмерно счастлив.

И в таком счастливом настроении Адольф Гитлер и пребывал с февраля вплоть до воскресенья, пришедшегося на 28 июля 1914 года. В этот день он узнал из газет сенсационную новость – наследник австрийского престола, эрцгерцог Франц Фердинанд, был застрелен в Сараево вместе со своей супругой.

Гитлер вспоминал впоследствии, что поначалу испугал-

ся — думал, что покушение было совершено германскими студентами. Вообще говоря, основания для такой гипотезы имелись — эрцгерцог Франц Фердинанд слыл сторонником компромисса с требованиями чехов о предоставлении им известной автономии. Но истинный виновник был схвачен и оказался сербским националистом Гаврилой Принципом. У Гитлера, как он говорит, с сердца просто камень упал.

Он полагал, что теперь война неизбежна — и не ошибся. Военные барабаны забили по всей Европе. Уже в начале августа 1914 года главные страны Европы, как говорил Ллойд Джордж, *«провалились в кипящий котел»*. Адольф Гитлер не остался в стороне. Он не хотел служить в австрийской армии, но немедленно подал прошение королю Баварии [3] о зачислении его в армию. Как Гитлер утверждал потом, его прошение было удовлетворено уже на следующий день. Он был зачислен в так называемый «резервный полк Листа», который немедленно начал муштровать новобранцев. Времени на подготовку было мало — уже в октябре 1914 года «полк Листа» вступил в сражение.

Адольф Гитлер стал солдатом Рейха.

III

По мнению английского историка Иэна Кершоу, Гитлер был зачислен в баварский полк по ошибке. Во-первых, никакая бюрократическая машина не могла бы среагировать с та-

кой скоростью, решив вопрос всего за один день. Во-вторых, как вообще можно зачислить в армию иностранца, не имеющего подданства Рейха и признанного австрийской медкомиссией негодным к военной службе?

Но как бы то ни было, в дикой суматохе августа 1914 года Адольф Гитлер был официально зачислен в 16-й Резервный Баварский полк. Полк был действительно резервный – чуть ли не весь его рядовой состав был набран среди студентов. Высшие учебные заведения автоматически давали право на отсрочку от призыва, но не во время войны.

29 августа 1914 года 16-й Резервный Баварский полк вступил в бой в Бельгии – ему было приказано атаковать позиции англичан. Через четыре дня из 3600 человек личного состава полка в строю осталось только 611 человек – все остальные были убиты или ранены.

Убит был полковник фон Лист, командир полка.

Понятно, что долго так продолжаться не могло. Наступление было приостановлено, войска зарылись в землю. Началась «траншейная война», сильно напоминавшая бесконечную осаду.

Потери снизились, но, конечно же, не прекратились.

Из роты, в которой служил рядовой Адольф Гитлер, к декабрю 1914 года уцелело 42 человека – из 250. Сам он был произведен в ефрейторы и представлен к награде – Железному кресту второй степени. С вновь поступающим пополнением он держался довольно холодно – Адольф Гитлер знал,

что принадлежит к «первому набору», совсем другим людям. Они были героями, «цветом германского юношества».

Он знал, что был одним из них.

Много лет спустя ему бросали упрек в том, что он не был настоящим Frontkämpfer – «фронтовым бойцом» и что ему не надо было вылезать из окопа навстречу огню пулеметов. Адольф Гитлер был всего лишь Meldeganger – «посыльным».

Справедлив ли этот упрек?

Ну что сказать? Вот его послужной список за 1914 год:

«1 ноября 1914 года присвоено звание ефрейтора. 9 ноября переведен связным в штаб полка. С 25 ноября по 13 декабря участвовал в позиционной войне во Фландрии. 2 декабря 1914 года награжден Железным крестом второй степени».

С другой стороны, пулеметы до того места, где нес свою службу Адольф Гитлер, действительно не доставали – он был при штабе.

Позиция, доверенная 3-му батальону 16-го Резервного полка [4], была стандартной и соответствовала наставлениям германского Генштаба для Западного фронта: это была линия протяженностью примерно полтора километра вдоль фронта. За ней на расстоянии четырех километров в глубину располагалась вторая траншея, за которой еще на два километра назад помещалась третья.

Адольф Гитлер и еще семь солдат его батальона, выделенные в посыльную службу в качестве связных курьеров, должны были доставлять на передовые позиции письменные со-

общения из штаба батальона, размещенного в блиндаже, у третьей траншеи, – своего рода почтовая служба для доставки запечатанных пакетов.

Они метились следующим образом: X – обычная почта, XX – срочная почта, XXX – немедленная доставка любой ценой.

Пакет с тремя крестами, как правило, высылался в двух экземплярах и доставлялся двумя отдельными посыльными – дело было очень опасным, иной раз приходилось бежать по открытой местности, без всякого прикрытия. 7 сентября 1916 года ефрейтор Гитлер, пытаясь доставить срочный пакет, был ранен в бедро осколком снаряда. Повезло, конечно, что не убило. И потом повезло еще раз – его, потерявшего сознание, все-таки отыскиали. Рана была тяжелой, полковым пунктом медпомощи было не обойтись. Адольфа Гитлера отправили в Эльзас, в тыловой госпиталь.

IV

Когда сейчас, в 2013 году, смотришь на Европу – такую, какой она была сто лет тому назад, кажется невероятным не только то, что мировая война началась именно в Европе, а даже то, что она началась вообще. Европейские страны, в общем, были довольно похожи и даже составляли своего рода семью. Их монархи были родственниками: кайзер Вильгельм Второй доводился английской королеве Виктории род-

ным внуком, а российскому императору Николаю Второму – кузенком. В переписке они называли друг друга Вилли и Ники.

Барышне из приличной семьи полагалось уметь говорить по-французски, вне зависимости от того, где она жила – в Мюнхене или в Петербурге. Слушать оперу, конечно же, надо было в Милане, а оперетту, конечно же, в Вене. Ну, можно и в Будапеште – какая разница, Франц Легар [5] был хорош и там, и там.

Золотые русские рубли свободно обращались в золотые германские марки – как, впрочем, и вообще в любую валюту, имеющую хождение в Европе, – золотой стандарт был один для всех, и при пересечении границ помех путешественникам не чинили.

А дальше начинается невероятная цепочка событий, каждое из которых вполне могло не случиться. Сначала какими-то совершеннейшими дилетантами, какими-то сербскими студентами-националистами устраивается покушение на эрцгерцога – и оно неожиданно удается.

Потом оказывается, что студентам помогали сербские военные. Военные в Сербии вели себя так, что гражданское правительство сладить с ними не могло, но Австро-Венгрия вдруг решает, что необходимо реагировать и *«сокрушить Сербию»*. И просит Германию о поддержке – на тот случай, если Россия за сербов заступится. И кайзер Вильгельм Второй вдруг обещает помощь *«вне зависимости ни от чего»*.

То есть как говорили впоследствии – *«выписывает чек с непроставленной суммой»*.

Россия, которой вроде бы не надо лезть в эту кашу, решает, что не может остаться в стороне. С. Сазонов, тогдашний министр иностранных дел Российской империи, высказал полную убежденность, что дело вовсе не в столкновении Австро-Венгрии с Сербией, а в том, что Германия затевает превентивную войну против России.

Основания для такого суждения у него были – германский Генштаб [6] считал Россию спящим гигантом и полагал, что лет через десять русская армия будет численно превосходить германскую примерно втрое.

В России объявляют мобилизацию.

Германия, справедливо рассматривая это как подготовку к войне, тоже начинает мобилизацию, но направлена она не против России, а против Франции, с которой никакой явной ссоры в данный момент нет. Французы, понятное дело, принимают свои меры, и тут-то Грей, английский министр иностранных дел, вдруг сообщает германскому послу в Лондоне, что в случае возникновения европейской войны *«неучастие Англии было бы непрактичным»*.

Заявление это поразило Берлин как гром – там почему-то считали, что Англия останется в стороне. Но менять что-то в уже осуществляемых военных планах было поздно – и германские войска перешли границы нейтральной Бельгии.

Великая война началась с такой же неизбежностью, с ка-

кой из-за мелкого камешка начинается гигантская лавина.

V

С 1815 по 1914 год мир в Европе держался на согласовании позиций «пентархии» – пяти великих европейских держав. В эту привилегированную пятерку входили Англия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия. Считалось, что попытка любой из них существенно улучшить свое положение заставит остальные державы объединиться против нее и с этим справиться будет невозможно.

Это положение было принято на Венском конгрессе в 1815 году, когда делилось наследие Наполеона. И основывалось на здравом суждении: то, что не получилось у Наполеона, тем более не получится у кого-нибудь другого [7]. И главное – достижение европейского равновесия.

Это равновесие не сломал даже Отто фон Бисмарк со своим Вторым рейхом.

Но к 1913 году равновесие оказалось все-таки поколебленным – и не потому, что у наследников Бисмарка не хватило дипломатической ловкости. Беспокойство вызывал совершенно объективный факт – огромный, неслыханный рост германского могущества. Это можно даже проиллюстрировать цифрами – Англия в 1870 году производила 300 тысяч тонн стали, а к 1913-му – уже 9 миллионов тонн. Казалось бы, прекрасные темпы роста – производство увеличилось

больше чем в 27 раз... Но Германия за тот же период времени, 1870–1913 годы, нарастила производство стали со 100 тысяч тонн до 15,7 миллиона, то есть в 157 раз [8]. Россия и Франция по этому показателю уступали Германии больше чем втрое. Такая статистика производила сильное впечатление и вызывала совершенно определенные чувства.

Германию боялись.

Но основания для тревоги имелись и у нее. Прославленный прусский Генштаб считал, что успехи Германии в производстве зависят от использования английских методов, но в более широком масштабе. Что будет, если те же методы будут применены еще шире в стране размером с континент?

Первыми на ум тут приходили Россия и Америка.

Американцы, например, в 1870 году выплавляли всего-навсего 40 тысяч тонн стали, а в 1913-м произвели уже около 32 миллионов тонн – неслыханное, просто немыслимое увеличение в 800 раз. Русские на их фоне сильно отставали – начали с 200 тысяч тонн в 1870 году и достигли примерно 5 миллионов тонн в 1913-м, но скорость их развития могла и увеличиться. И если США были за океаном и имели ничтожную армию, то Россия граничила с Германией и располагала самой большой армией в мире – один миллион 471 тысяча человек. Это было примерно вдвое больше, чем у Германии.

Следовательно, в случае войны надо было положиться на то, что Австро-Венгрия примет на себя главный удар русских, а тем временем Германия успеет разбить Францию и

после этого сможет перебросить свои основные силы на восток. Это было возможно – Россия с ее огромной территорией и неразвитой железнодорожной сетью отставала от Германии. Согласно расчетам Генштаба, Францию следовало разбить за шесть недель. Сделать это можно было только стремительным ударом через Бельгию – и он не удался.

В ход пошли резервы.

VI

Война началась в начале августа 1914 года. По плану Париж должен был быть взят к середине сентября, и война на Западном фронте практически закончена. 16-й Резервный Баварский полк попал на фронт в самом конце октября, то есть на добрых полтора месяца позднее, но Париж к этому времени взят не был.

Все предвоенные расчеты всех генеральных штабов оказались неверны.

Повсеместно считалось, что секрет успеха – максимально быстрая и тщательно подготовленная мобилизация, после которой следовало решительное наступление. Планы строились на опыте великой победоносной кампании прусской армии в 1870–1871 годах.

В 1914 году оказалось, что громадные миллионные армии наступать не могут. Выяснилось, что пулеметы, траншеи и колючая проволока были в состоянии остановить любую атаку.

ку, даже самую решительную. Враждующие стороны зарылись в землю, война стала напоминать осаду, главная роль теперь перешла не к пехоте, а к артиллерии. Все запасы снарядов иссякли, потому что расход их оказался во много раз выше ожидаемого. Началась лихорадочная деятельность по усилению военного производства.

В попытках сломать позиционный тупик стали использовать тяжелую артиллерию в неслыханных масштабах, в 1915 году германская армия впервые широко пустила в ход газы. Не помогло даже это – английские позиции на Ипре были затоплены хлором, но стратегического прорыва достигнуть не удалось.

На «хлорную атаку» Германии союзники ответили фосгеном. Методы использования газов быстро усовершенствовались – вместо баллонов, создававших газовое облако с надеждой пустить его по ветру в сторону врага, стали применять снаряды с газовой начинкой. В этом случае отравляющие вещества можно было забросить в нужное место вне зависимости от ветра.

Положение Германии становилось все хуже – она оказалась сдавленной в кольцо фронтов и английской морской блокады. Победы, которые одерживались на Восточном фронте, не меняли общего хода вещей, Америка все больше склонялась на сторону Англии и Франции, и ее вступление в войну ожидалось со дня на день, когда для Германии мелькнул луч надежды.

Русская революция 1917 года поменяла расклад сил – Восточный фронт рухнул. После заключения мира с новым российским правительством в Бресте Германия оказалась в состоянии использовать свои освободившиеся на востоке войска на западе.

В апреле 1918 года началось германское наступление на западном фронте. Принял в нем участие и полк, в котором служил ефрейтор Адольф Гитлер [9]. 4 августа 1918 года он получил награду – Железный крест 1-й степени – необычно высокий орден для человека в чине капрала. Однако награда была дана действительно по заслугам – за доставку пакета, помеченного тремя крестами.

Это предотвратило обстрел траншей собственной артиллерией.

В ночь с 13 на 14 октября Гитлер вместе с группой однополчан попал под обстрел. Англичане использовали снаряды, начиненные ипритом. Гитлер ослеп и 21 октября 1918 года оказался в тыловом госпитале. На его счастье, поражение газом оказалось не столь уж сильным. Уже дней через 10–12 повязки стали снимать, зрение понемногу восстанавливалось.

В ночь с 29 на 30 октября 1918 года военные моряки в Вильгельмхафене отказались выполнить приказ о выходе в море. К 4 ноября волнения перекинулись и на армию, в руках восставших оказалась главная база германского флота Открытого моря – город Киль. Еще через три дня берлинский

гарнизон перестал подчиняться командованию.

9 ноября 1918 года кайзер Вильгельм Второй бежал из Германии.

10 ноября капеллан военного госпиталя сообщил раненым, что монархии больше нет.

Услышав это, ефрейтор Адольф Гитлер бросился в свою палату и зарыдал так, как не плакал с тех пор, как похоронил мать. Что значила дикая боль в глазах по сравнению с тем, что случилось? Великая Германия, ради которой он сражался, ради которой он пожертвовал столь многим, оказалась сражена *«подлым ударом в спину»*.

Гитлер писал позднее, что в эти дни его судьба стала ему ясна.

Примечания

1. *Ian Kershaw*. Hitler. New York; London: W. W. Norton & Company, 2008, vol.1. P. 86.

2. В 1938-м гестапо будет выискивать *«документы фюрера»* в зальцбургских архивах, но ничего не найдет. К этому времени Адольф Гитлер станет очень известной личностью, и у него появятся не только миллионы поклонников, но и немалое число врагов. Поэтому в 1938 году документы будут припрятаны, и они всплывут на поверхность только в 50-е годы.

3. Отто (Оттон) I, с 13 июня 1886 года 5-й по счету король Баварии. Из-за тяжелой психической болезни (офици-

ально это называлось «Король скорбен разумом», *der König ist schwermütig*) в годы его «правления» власть в Баварии находилась в руках регентов.

4. III/RIR-16 в штабном обозначении, где латинское «III» – номер батальона, «16» – номер полка, а RIR – немецкая аббревиатура словосочетания «Резервный пехотный полк».

5. Франц Легар (*нем. Franz Lehár*, венг. *Lehár Ferenc*; 30 апреля 1870, Комарно, Словакия – 24 октября 1948, Бад-Ишль, Австрия) – венгерский и австрийский композитор и дирижер. Наряду с Иоганном Штраусом и Имре Кальманом – крупнейший композитор венской оперетты. Считалось, что он «не имеет ни прямых предшественников, ни преемников».

6. Отто фон Бисмарк, создавая свой Второй рейх, объединил многие государственные функции в так называемые имперские учреждения. Но эта мера не коснулась генеральных штабов германских государств, вошедших в Рейх, – они остались в ведении своих местных правительств. Бисмарк сделал это намеренно – он хотел сохранить Генштаб Пруссии в его исходной форме. Пруссия была самым большим государством, вошедшим в Империю, и ее Генштаб, таким образом, выполнял все ключевые функции имперского, не допуская к своей работе «посторонних» – например, баварцев.

7. Князь Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург-Бейльштейн (*Klemens Wenzel Lothar von Metternich-*

Winneburg-Beilstein) 15 мая 1773—11 июня 1859) – австрийский дипломат из рода Меттернихов, министр иностранных дел в 1809–1848 годах, главный организатор Венского конгресса 1815 года. Руководил политическим переустройством Европы после Наполеоновских войн. Известен своими крайне консервативными взглядами. Носил титулы имперского князя (фюрста) и герцога Порталла.

8. История Первой мировой войны. М.: Наука, 1975. С. 33. Табл. 1.

9. Он находился в госпитале вплоть до февраля 1917 года, но настоял на возвращении на фронт и уже 5 марта 1917 года вернулся к своим товарищам.

Барабанщик

I

В два часа дня в субботу 9 ноября 1918 года, выступая с балкона рейхстага, Филипп Шейдеман [1] заявил собравшейся толпе, что старый прогнивший порядок рухнул, что монархии больше нет и что *«Рейх перестал быть Империей и становится Республикой»*.

Что означает это заявление, было неясно – художественный критик Харри Кесслер, навестивший рейхстаг поздним вечером 9 ноября, записал в своих мемуарах, что здание было набито народом. Тут были и солдаты, и моряки, и какие-то штатские, у которых было оружие, и какие-то женщины, у которых оружия не было, но вели они себя при этом очень непринужденно. Солдаты, впрочем, тоже не стеснялись – некоторые из них, например, лежали на толстых красных коврах, устилавших коридоры рейхстага. Кесслеру подумалось, что он находится *«в декорациях фильма о русской революции 1917»*.

Он занес это наблюдение в дневник.

Нечто очень похожее творилось и в других местах. Офицерский обед в закрытом клубе в Кобленце был прерван, когда в клуб вломились вооруженные солдаты. Их предводи-

тель был верхом и в зал въехал как был, на лошади – спешиться он счел излишним.

Теоретически правление было передано социал-демократам – это было сделано последним рейхсканцлером монархии, принцем Максом Баденским [2]. Он как раз во что бы то ни стало стремился избежать *«повторения русской революции»* – и убедил кайзера покинуть столицу. Макс Баденский был прав – за несколько дней до 9 ноября наследному принцу Генриху Прусскому пришлось в чужой одежде бежать из Киля, его жизни угрожала опасность.

То, что война безнадежно проиграна, для знающих положение вещей было понятно с октября 1918 года – все ресурсы к дальнейшему сопротивлению были исчерпаны, и генерал Эрих Людендорф ушел с поста помощника начальника Генштаба. Название должности не должно вводить в заблуждение – начальником Генштаба был Пауль фон Гинденбург, но он служил скорее фасадом.

Настоящим «мозгом армии» был именно Людендорф – и вот он передал свои полномочия генералу Вильгельму Грёнеру, который тоже никаких иллюзий не питал. Грёнер вдвоем с Гинденбургом и убедили кайзера в необходимости прекратить уже бессмысленные военные действия.

Какой уж тут *«удар в спину»*...

Другое дело, что широкая публика ничего об этом не знала. В 1918 году германские войска занимали Украину, Польшу, Прибалтику, 12 июня вошли в Тбилиси, а сенат Фин-

ляндии подыскивал принца из дома Гогенцоллернов на престол замысленного было финского королевства. С режимом гетмана Скоропадского у Германии был подписан «Договор о дружбе», Крым был занят немецкими войсками, которые не пустили туда турок, своих союзников. В Берлин одна за другой текли самые неожиданные депутации – там побывали «калмыцкий князь Тундутов», представитель «Военного Совета Русских Мусульман» Осман Токубет, посланцы Грузии, Армении и даже какой-то «крымский граф Тадичев»...

Кайзер внес свой вклад в идеологическую подготовку к победе, заявив на банкете для военных в честь 30-летия своего правления:

«...либо германо-пруско-тевтонская мировая философия – справедливость, свобода, честь, мораль – возобладает во славе, либо англо-саксонская философия заставит всех поклониться золотому тельцу. В этой борьбе одна из них должна будет уступить место другой. Мы сражаемся за победу германской философии...»

Ну что взять с кайзера – он избытком интеллекта не отличался.

Но нечто похожее говорил и Томас Манн. Его, вроде бы оторванного от мира художника, подчеркнуто аполитичного человека, Великая война тоже не оставила равнодушным, и он отстаивал право Германии на то, чтобы «повести за собой человечество». И что «старой, утомленной «латинской цивилизации» пора уступить дорогу молодой германской куль-

туре».

Но нет, нет и нет – война была проиграна, проиграна безнадежно. Переговоры о перемирии начались еще в октябре – для этого, собственно, принц Макс Баденский и был сделан рейхсканцлером. Он давно стоял за заключение мира и считался наиболее приемлемой фигурой для переговоров со странами Антанты. Но оказалось, что союзники вообще не хотят говорить ни с германскими монархистами, ни с военными. Макс Баденский передал власть Фридриху Эберту [3], по его мнению – самому подходящему лидеру социал-демократов.

Надо было во что бы то ни стало удержать порядок.

II

У Адольфа Гитлера никаких сомнений в необходимости удержания порядка не было. По выписке из госпиталя он получил предписание явиться в Мюнхен, в центр формирования его полка – и он так и сделал. Благо поезда в Германии еще ходили, несмотря на революцию. В Мюнхене, однако, революция Гитлера все-таки настигла.

Еще 7 ноября 1918 года, то есть за два дня до бегства кайзера из Берлина, в Мюнхене советом солдатских и рабочих депутатов была провозглашена Баварская республика. Династия Виттельсбахов [4] объявлялась свергнутой.

В числе множества вопросов, связанных с низложением

короля Людвига III, был и такой: по традиции войска в Германии присягали лично своему монарху, и традиция сохранилась и в Рейхе, построенном Бисмарком. Скажем, прусские полки присягали не Вильгельму II, кайзеру Германской империи, а Вильгельму II, королю Пруссии – хотя это и было одно и то же лицо. Соответственно, вновь сформированный в 1914 году 16-й Резервный Баварский полк присягал государю Баварии.

В его отсутствие, по идее, верность данной присяги либо исчезала вообще, либо переходила к человеку, сменившему короля на посту главы государства. В ноябре 1918 года новый глава государства отсутствовал в принципе – Баварская республика пока что не разобралась со своим устройством, но вот новый глава правительства уже как бы был.

Во времена больших социальных потрясений на поверхность выносит людей очень странных – Курт Эйсер был одним из них.

В 1918 году ему исполнился 51 год. Он по профессии был журналистом, работал в Берлине, сначала занимался театром, потом в течение добрых двадцати лет писал острые социальные сатиры – а потом бросил жену с пятью детьми, перебрался в Мюнхен, обзавелся там новой подругой, тоже журналисткой, и начал интенсивно заниматься политикой.

Эйсер был провозглашен министром-президентом Баварии буквально на ровном месте – просто потому, что так решила отколовшаяся от партии социал-демократов фракция,

объявившая себя независимыми социал-демократами.

Выбор был, прямо скажем, неудачен.

В католической Баварии не любили евреев, а уж пруссаков и вовсе терпеть не могли. Ну, а Эйсер – маленький, в пенсне, с длинной бородой – был еврей из Пруссии. Да еще и некрещеный, да еще и говорил с ярко выраженным прусским акцентом. Однако выбор все-таки пал на него – он считался *«борцом»* и *«мучеником»*. Борцом – потому, что был пацифистом и с 1917 года выступал против войны. А мучеником – потому, что его дважды сажали в тюрьму. В первый раз – еще до войны, в Берлине. Ему тогда дали 9 месяцев за то, что он написал нечто насмешливое о кайзере. Второй раз Курт Эйсер сел в тюрьму в январе 1918-го за призыв к забастовке и отсидел восемь месяцев. Так что в ноябре его ореол мученичества был еще свеж, пришелся очень кстати, а горячие речи, обращенные к рабочим и солдатам, сделали остальное. Курт Эйсер стал главой правительства.

Править он не умел.

III

Если смотреть на Ноябрьскую революцию 1918 года в Германии с позиции Февральской революции 1917-го в России, то социал-демократы вроде Ф. Эберта попали бы в категорию правых меньшевиков. Даже, наверное, очень правых – при всем своем марксизме на частную собственность они не

покушались, стояли за парламентское правление и не имели бы ничего против конституционной монархии. Выбор в пользу республики был им, можно сказать, навязан требованиями победителей, держав Антанты.

Однако «независимые социал-демократы», пришедшие к власти в Баварии, по российским меркам считались бы левыми меньшевиками – они стояли за «широкую социализацию», не особо вглядываясь в подробности значения этого словосочетания.

Курта Эйснера подвело то, что он был приличным человеком.

Он не нашел в преимущественно сельскохозяйственной Баварии ничего, что следовало бы социализировать – до организации колхозов Эйснер как-то не додумался.

Революция, однако, нуждалась в лозунге. Таковых в Баварии в конце 1918 года было два – социализм и сепаратизм. Социализм в духе *«отнять и поделить»* Эйснеру не подошел – за что на него рассердились его бывшие сторонники. А сепаратизм «в исполнении Эйснера» не подошел даже баварским сепаратистам. Они, в общем-то, не любили Берлин и треклятых пруссаков, но хотели равенства, а не отделения, и *«еврей из Пруссии»* казался им уж больно ненадежным.

Курт Эйснер, как уже и говорилось, был приличным человеком – он назначил свободные выборы на январь 1919 года.

Но еще до того, как они состоялись, из Берлина пришли вести о «красном мятеже». Переходное правительство Гер-

мании – Совет народных уполномоченных – было учреждено там 10 ноября 1918 года. А уже 11 ноября случилось еще одно событие – по инициативе освобожденного из тюрьмы Карла Либкнехта был образован так называемый «Союз Спартака». Левые социал-демократы, вроде тех, которые поначалу поддержали в Мюнхене Курта Эйснера, откололись от партии социал-демократов и в канун нового, 1919 года объявили себя Коммунистической партией Германии.

Основной мыслью новой организации была *«социализация промышленности»*, основным лозунгом – *«свержение власти империализма и милитаризма»*.

Метод был соответствующий – вооруженное восстание.

IV

В России так называемая «буржуазная революция», отменившая монархию, случилась в феврале 1917-го. За ней в ноябре 1917 года последовала Великая Октябрьская Социалистическая Революция – то есть между «первым толчком» и «социальным взрывом» дистанция составила примерно восемь месяцев. В Германии крушение династии Гогенцоллернов пришлось на ноябрь 1918 года – а социальный взрыв в Берлине грянул уже в начале января 1919-го.

То есть – меньше чем через два месяца.

Пример успешного *«восстания пролетариата»* в Петербурге, несомненно, повлиял на руководство Коммунистиче-

ской партии Германии – или «Союза Спартака», как она еще совсем недавно называлась, но результаты оказались совсем иными. Ф. Эберт оказался орешком покрепче А. Ф. Керенского, и у него оказались под рукой части, готовые *«повиноваться законному правительству»*.

На регулярную армию, конечно, рассчитывать было невозможно – она была уже изрядно разложена. В точном соответствии с российским примером тон в столице задавали «революционные моряки» – только что они были не из Кронштадта, а из Киля. Но вели они себя точно так же [5].

События нарастали не по дням, а по часам. Пятого января сторонники «Союза Спартака» провели огромную демонстрацию на площади Александерплац, перед фасадом здания полицейского управления. Здание контролировалось восставшими еще с ноября, так что это был не протест, а демонстрация силы. На следующий день была объявлена грандиозная забастовка, в ней должно было участвовать 200 тысяч человек. По Берлину прошел вооруженный парад рабочих отрядов. Карл Либкнехт предложил открытое восстание – он полагал, что захват всех правительственных зданий решит вопрос о власти. Роза Люксембург, главный редактор газеты «Красный флаг», ему возражала. Она считала восстание преждевременным, но совет проголосовал, и предложение Либкнехта прошло – 65 против 6.

Вокзалы Берлина были захвачены вооруженными отрядами с красными повязками на рукавах, но на том все и кон-

чилось. Эберт не нашел своего «Корнилова» – решительно-го офицера, способного повести за собой войска и готового применить силу, но он нашел ему адекватную замену.

В ночь с 8 на 9 января 1919 года в город вошли Freikorps. Это слово на русский можно перевести разве что приблизительно, наиболее близкий аналог – «вольные отряды». Это была старая германская традиция, еще со времен Фридриха Великого – добровольческие военные формирования «свободного корпуса», собиравшиеся вокруг того или иного лица. В своем роде – частные армии. Командир такого формирования обеспечивал своих бойцов оружием, продовольствием и – если мог – каким-то жалованьем. Они в свою очередь повиновались его приказам.

В Германии в январе 1919 года было сколько угодно людей, умевших владеть оружием, и нашлось достаточное число офицеров с хорошими организаторскими способностями. «Красных» они не любили – и коммунистическое восстание в Берлине было подавлено в четыре дня.

И Карла Либкнехта, и Розу Люксембург захватили живыми, долго мучили, а 15 января некий рядовой по имени Отто Рунге разбил им головы прикладом.

На всякий случай были сделаны и контрольные выстрелы в затылок. Тело Либкнехта оставили в морге с биркой «неизвестный спартакист», тело Розы Люксембург было утоплено в канале [6]. На этом «красное восстание» в Берлине и окончилось.

Но в Мюнхене все повернулось по-другому.

V

Курт Эйснер был убит 21 февраля 1919 года. Он, собственно, направлялся в ландтаг Баварии, чтобы официально сложить свои полномочия. Как уж раньше говорилось, Курт Эйснер был приличным человеком. Он действительно провел обещанные выборы, проиграл их, но не сделал ни малейшей попытки *«подправить результаты»*. Просто объявил, что уходит.

Так что никакого политического смысла в убийстве не было. А застрелил его молодой человек по имени Антон фон Арко-Валли – ему шел всего только двадцать первый год. Стрелял же он от обиды – графа Антона фон Арко-Валли, монархиста и аристократа, не приняли в высокопатриотическое «Общество Туле» [7]. Ссылаясь при этом на то, что мать у него еврейка и что для арийца это нехорошо. Он и решил доказать, что и с подпорченной родословной можно иметь твердые убеждения...

Результаты его поступка превзошли все ожидания. Курт Эйснер в качестве лидера разочаровал своих сторонников, но в качестве «жертвы» и «мученика» очень им пригодился. Выстрел графа послужил началом *«революции в Баварии»* – власть захватили «красные», пошли захваты заложников из числа презренной буржуазии и прогнившей аристократии, в

Мюнхене произносились пламенные речи, и в конце концов была установлена Баварская Советская Республика, *«провозглашенная Советом рабочих и солдатских депутатов»*.

Предприятие это было довольно опереточным, и жизни ему было отпущено немного – с 13 апреля 1919 и по 1 мая 1919 года. В дело вмешались отряды Freikorps, правительство в Берлине смогло организовать и какие-то части регулярной армии, порядок был восстановлен – и тут в первый раз всплывает имя ефрейтора Адольфа Гитлера: он давал свидетельские показания в отношении бесчинств солдат, примкнувших к Советам.

Далее Гитлера заметил профессор Карл Александр фон Мюллер.

Он по приглашению своего знакомого капитана Майра читал лекции по истории для его солдат. Дело в том, что Майр был поставлен во главе так называемого «разъяснительного отдела». В его задачи входила *«борьба с большевизацией армии»* – ну, и он решил подучить своих подчиненных.

Так вот, в перерыве профессор Мюллер заметил, что вокруг одного из его «студентов» собралась целая кучка слушателей – он говорил им речь. О чем, профессор не слышал, но у него сложилось впечатление, что оратор находился в такой связи со своей аудиторией, что он ее буквально загипнотизировал. Казалось, что и сам оратор впитывал в себя энергию своих слушателей – говорил он со все более возрастаю-

щей страстностью.

«*Слушайте*, – сказал профессор капитану Майру, – у *этого парня есть талант*».

VI

Где-то к сентябрю 1919 года Немецкая рабочая партия насчитывала около 40 членов. Точнее сказать невозможно – как все крошечные политические организации, партия норовила «создать впечатление массовости», и членские билеты выписывались с трехзначными номерами. Более объективной мерой ее силы была партийная казна – в ней содержалось некоторое количество почтовых марок, конвертов для переписки с единомышленниками и семь с половиной марок наличных денег.

Партию основал слесарь железнодорожного депо Мюнхена Антон Дрекслер, и он же был ее «вторым председателем». А первым был Карл Харрер, журналист и вообще – человек грамотный. У него были хорошие связи в «Обществе Туле» – том самом, куда безуспешно стремился вступить граф Арко-Валли. «Туле» в принципе ориентировалось не на рабочих, а на людей с положением, но тем не менее Карлу Харреру пришлось в голову нести расовые идеалы общества в народ.

Адольф Гитлер в первый раз появился на заседании Немецкой рабочей партии 12 сентября 1919-го и не просто так, а по заданию. Капитана Майра интересовали все новые

организации, которые могли бы в принципе способствовать разложению рядов.

Название – Рабочая партия – звучало в этом смысле подозрительно.

На собрании возник спор. Слово за слово – и Адольф Гитлер вмешался в дискуссию. В итоге Дрекслер предложил ему вступить в партию и выступить на ее следующем заседании. Выступление имело успех. 3 октября 1919 года Адольф Гитлер запросил разрешение своего непосредственного командира, капитана Майра, на присоединение к Немецкой рабочей партии. В четверг 16 октября 1919 года он выступил перед довольно солидной по числу аудитории – слухи о новом ораторе уже разнеслись, и зал на 130 человек оказался забит до отказа.

Адольф Гитлер говорил всего полчаса, но его наградили громом аплодисментов. А в кружке для сбора пожертвований оказалось около 300 марок, что превышало предыдущий партийный бюджет в сорок раз.

Стало понятно, что Немецкая рабочая партия обрела свою «звезду». И Адольф Гитлер повел себя как истинная примадонна – поскольку его пришлось *«кооптировать в партийное руководство»*, он сразу же сказал, что не хочет быть ни председателем партии, ни ее казначеем и вообще не хотел бы заниматься деньгами и организацией. Но он настаивает на том, чтобы пропагандой заведовал он, и только он. Ибо видит свой долг в том, чтобы пробудить народ.

Он – всего лишь скромный солдат, барабанщик, бьющий тревогу.

Примечания

1. Филипп Шейдеман – известный социал-демократ. В ноябре 1918 года – государственный секретарь в последнем «кайзеровском» правительстве Германии.

2. Принц Максимилиан Баденский (*нем.* Maximilian Alexander Friedrich Wilhelm Prinz von Baden). С 3 октября по 9 ноября 1918 года был канцлером Германии. Объявил об отречении Вильгельма II. Придерживался либеральных взглядов. Осенью 1918 года назначен канцлером Германии – в надежде сохранить монархию. Сформировал правительство, которое впервые включало социал-демократов.

3. Фридрих Эберт – отличался прокайзеровскими взглядами. В беседе с принцем Максом Баденским накануне Ноябрьской революции высказывал надежды на сохранение монархии, а провозглашение республики своим соратником Филиппом Шейдеманом считал «самовольным» (Wiki).

4. Виттельсбахи (*нем.* Wittelsbach) – феодальный род, с конца XII века и до конца Первой мировой войны правивший Баварией. Баварские государи считались electorami Священной империи Германской нации до тех пор, пока Наполеон не сделал Баварию королевством.

5. В Берлинский совет, например, была подана резолюция, требующая отменить все войсковые знаки различия.

Офицеры должны были снять погоны и сдать личное оружие.

Начальник Генштаба Пауль фон Гинденбург заявил, что эполеты он отдаст только вместе с жизнью – и Ф. Эберт полностью встал на его сторону.

6. Тело Розы Люксембург нашли и опознали через несколько месяцев.

7. «Общество Туле» (*нем.* Thule-Gesellschaft) – немецкое оккультное и политическое общество, появившееся в Мюнхене. Полное название – Группа изучения германской древности (*нем.* Studiengruppe für germanisches Altertum). Название «Туле» происходит от мифической северной страны, обычно под ней понимают Скандинавию.

Национал-социалист

I

В своем дневнике 21 января 1920 года Томас Манн оставил запись о скандале в Мюнхенском университете. Суть дела состояла в том, что Макс Вебер [1], широко известный ученый-социолог, сказал в своей лекции пару нелестных слов об убийце Курта Эйснера. Студенты так освистали своего профессора, что тому пришлось покинуть аудиторию.

Не помогло даже вмешательство ректора – лекцию пришлось отменить.

Манн замечает, что весь этот инцидент дает ему чувство некоторого удовлетворения. То есть понятно, что и граф Арко-Валли, сидящий в тюрьме за убийство, вовсе не герой, и студенты, согнавшие профессора с кафедры, – попросту болваны и неучи, но все же в их поведении было нечто истинно германское, некий искренний порыв патриотизма.

Томасу Манну не нравился парламент. Еще во время войны в 1918-м он писал, что парламентская суeta ведет к *«инфекции всего национального сознания вирусом политики»*. А Манн политики не хотел. Он хотел *«беспристрастности, порядка и соблюдения должных норм поведения»* [2].

Ну что сказать?

Как раз в эти же дни, в начале января 1920 года, Немецкая рабочая партия подводила итоги своей деятельности за предыдущий период. Ее ряды возросли – 190 человек уплатили членские взносы в размере 50 пфеннигов за месяц. Партия располагала теперь и возможностью печататься в газете «Фёлькишер Беобахтер» [3].

Она выходила дважды в неделю, служила рупором для доброй пары дюжин ультраправых и антисемитских групп. В ее выпуске от 3 января 1920 года сразу предлагалось переходить от слов к делу: там была помещена поэма, призывавшая сделать усилие и похоронить наконец всех проклятых евреев.

В номере от 7 января насчет похорон ничего не говорилось, но зато предлагалось восстановить мир в стране, взяв всех евреев под стражу – «*в целях их безопасности*».

Имелись в газете и объявления. Теодор Штумпф, ювелир, предлагал изящные свастики – от простых изделий, за каких-то 3 марки, до дамских брошей, способных удовлетворить самый взыскательный вкус. Ну, они и стоили соответственно целых 800 марок, но кто же станет экономить на выражении своих «*истинно германских*» симпатий?

Что и говорить – между Томасом Манном, известным писателем, человеком с положением, уже получившим почетный докторат в Боннском университете, и мелкой газетенкой, выражавшей позицию крошечной партии на отшибе политической жизни Германии, дистанция была огромной.

В конце концов, «Мюнхенер Беобахтер», предшественник «Фёлькишер Беобахтер», считался любимой газетой мюнхенских мясников.

Немецкая рабочая партия была на самом краю политического спектра Германии, да еще и ближе скорее к сточной канаве, чем к Боннскому университету, но все же выражала нечто, близкое и Т. Манну.

Например – неодобрение германской демократии.

II

Республика в Германии была утверждена совсем недавно, 31 июля 1919 года в Веймаре, овеянном памятью Гёте. Совещения по учреждению нового строя пришлось перенести из столицы в другое место, потише – в Берлине было уж очень беспокойно. Новая Конституция предусматривала работающую модель представительной парламентской демократии.

В парламенте – рейхстаге, сохранившем название с кайзеровских времен, – должны были заседать представители всех партий, получивших на общенациональных выборах такое количество голосов, которое составляло бы не меньше 1 %. Партия, сумевшая собрать больше половины голосов в рейхстаге – сама или с союзниками по коалиции, становилась правящей, а ее лидер делался главой правительства – рейхсканцлером. Предусматривался и пост главы государства – рейхспрезидента. Ему, надо сказать, давались широ-

кие полномочия.

Согласно статье 48 принятой Конституции в чрезвычайной обстановке он мог править в обход рейхстага путем издания декретов. Первые выборы создали устойчивое в теории правительство, опиравшееся на голоса трех партий: Социал-демократической, Германской демократической и так называемой «центральной».

В сумме в начале 1919 года у коалиции было 76,2 % голосов избирателей, но уже к середине 1920-го ее популярность снизилась и уже недотягивала даже до 50 %. Вину за это следовало возложить на победителей-союзников. Условия, ультимативно предписанные ими Германии Версальским договором, были и тяжелы, и бессмысленно унижительны.

На страну были наложены не только репарации, но и размер репараций был сделан намеренно неопределенным – в случае улучшения экономического положения Германии с нее могли потребовать большие суммы. То, что Германия потеряет свои колонии и Эльзас с Лотарингией – провинции, отнятые ею у Франции в 1871 году, было понятно. Но то, что придется отдать Польше те территории Пруссии, где поляки составляли значительную часть населения, оказалось полной неожиданностью. Германия теряла Данциг, который становился «вольным городом», теряла часть Балтийского побережья для того, чтобы новая Польша имела выход к морю, и в результате Восточная Пруссия оказывалась отрезанной от Рейха. А уж заодно у Германии отнимали и Мемель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.